

УДК 37.091(571.1/.5)(09)
doi: 10.18101/1994-0866-2017-7-71-77

КАДРОВЫЙ СОСТАВ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

Исследование выполнено в рамках регионального конкурса РГНФ «Российское могущество прирастать будет Сибирию и Ледовитым океаном» 2016 — Красноярский край при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности». Проект «Развитие образования в Сибири в XIX—XX вв.» № 16-16-24020

© **Шилов Александр Иванович**

доктор педагогических наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89
E-mail: 9029921905@mail.ru

© **Филиппова Полина Сергеевна**

учитель английского языка,
муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 145»
Россия, 660077, г. Красноярск, ул. 78-й Добровольческой бригады, 1а
E-mail: sch145@mail.ru

В статье дан анализ кадрового состава начальной школы Восточной Сибири означенного периода, его заметного отставания в обеспечении школ в сравнении с Европейской Россией. Отмечено, что в конце исследуемого периода положение с кадровым составом понемногу выправлялось, но этот процесс был все еще далек от завершения.

Показано, что, несмотря на все трудности, преследовавшие учителя начальной школы как светских, так и особенно духовного ведомств, они в подавляющем большинстве относились к своим функциональным обязанностям добросовестно, усердно, отдавая много сил и внимания своим воспитанникам, добиваясь успехов в учебе и воспитании.

В статье достаточно подробно описано материальное положение народных учителей, которое сильно отличалось по разным типам начальных учебных заведений. Отмечено, что в наиболее благоприятном положении по оплате труда находились учителя начальных школ повышенного типа, в наиболее тяжелых материальных условиях были учителя школ грамоты.

Ключевые слова: кадровый состав; начальная школа; городское училище; уездное училище; церковно-приходская школа; школа грамоты; Восточная Сибирь; министерство народного просвещения; годовой оклад содержания; образовательный ценз учителя.

Одним из важнейших условий правильного функционирования имеющихся начальных школ и открытия новых училищ является решение вопроса об обеспечении учебных заведений соответствующими педагогическими кадрами.

В этом отношении Сибирь в сравнении с Европейской Россией находилась в очень невыгодных условиях. Если в губерниях центральной части страны в большинстве случаев на учительские должности находились желающие, то в Сибири можно было выстроить школу, снабдить ее всем необходимым, найти средства на ее содержание, но нельзя было быть уверенным и спокойным за ее существование, так как еще неизвестно — найдется ли учитель [7, с. 10].

Так, согласно отчету главного инспектора училищ Восточной Сибири, вакантных мест на 1 января 1880 г. только по уездным училищам было 8, из них 5 — учителя чистописания и рисования и 3 — учителя наук; к 1 января 1881 г. количество вакансий увеличилось до 12 [8. Оп. 1. Д. 3. Л. 12]. В Киренском уездном училище должность учителя рисования оставалась вакантной в течение 80 лет [2, с. 510].

В 1880-х гг. министерство народного просвещения было вынуждено помещать на страницах газет публикации о вакантных учительских должностях в ряде уездных училищ Восточной Сибири: Ачинском, Нерчинском, Нижнеудинском и др.

В уездные училища при нормальном положении дел требовались для определения на должность учителя, окончившие курс в средних учебных заведениях и выдержавшие особый учительский экзамен. В действительности же к 1 января 1881 г. из 22 учителей уездных училищ только 9 окончили курс средних учебных заведений. Из 9 штатных смотрителей в уездных училищах всего 5 лиц получили полное среднее образование. Однако и эти немногие постепенно сокращались, выбывая из уездных училищ, а заменить их было по существу нечем, так как все окончившие курс гимназий поголовно стремились в высшие учебные заведения, а привлечь их к учительской деятельности содержанием оклада в 343 руб. было практически невозможно. Поэтому при низкой оплате труда преподавательского состава становилось все труднее найти хорошего учителя в уездное училище [7, с. 10].

Острый недостаток в подготовленных учительских кадрах ощущали и городские училища. Правда, в данном случае образовательный ценз учителей был несколько снижен до уровня учительского института, который действительно давал общеобразовательную подготовку более низкого уровня по сравнению со средними школами, да и по своему социальному статусу он не являлся специальным средним учебным заведением. Штаты городских училищ почти повсеместно были укомплектованы выпускниками учительских институтов. Например, Красноярское городское училище в 1888 г. в своем штате имело учителя-инспектора, окончившего Казанский учительский институт; законоучителя (Иркутскую духовную семинарию); учителей 2-го и 3-го классов (оба выпускники Оренбургского учительского института) и учителя пения (7-й класс Томской гимназии) [9. Оп. 1. Д. 8. Л. 3].

В Минусинском городском училище все учителя, а их было 4, включая учителя-инспектора, были после учительских институтов, законоучитель — студент Иркутской духовной семинарии [9. Оп. 1. Д. 8. Л. 16]. Таким же образовательным цензом обладали учителя других городских училищ [6, с. 215; 9. Оп. 1. Д. 8. Л. 71].

В приходских училищах не хватало правоспособных учителей. Так, согласно отчету главного инспектора за 1880 г., к концу года из 209 учителей и учительниц (исключая законоучителей) окончивших курс учительской семинарии было 68 чел.

(32,5%), не обучавшихся в семинариях, но имевших свидетельства на звание начальных учителей и учительниц — 82 (39,2%), не державших испытания на это звание, но допущенных к преподаванию по неимению правоспособных преподавателей — 59 чел. (28,3%) [8. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–18].

В последующие годы положение с учительскими кадрами оставалось во многом по-прежнему тяжелым, хотя некоторые улучшения имелись, но они были незначительными [2, с. 524].

Следует отметить, что повышается процент лиц, окончивших учительскую семинарию. В начале 1890-х гг. таковых было 51,5% (вместо 32,5% в 1880 г.). Немного уменьшился процент учителей, не имевших свидетельства на звание учителя, учительницы начальной школы. Теперь таких учителей стало 20,5% (было 28,3%). Следовательно, имевших свидетельство на звание учителя, приобретенное по специальному испытанию, — 28% [7, с. 11].

Таким образом, значительный рост числа учителей с аттестатом учительской семинарии привел к снижению количества учителей со свидетельством на звание учителя и без такового. Это тем более примечательно, учитывая тот факт, что назначавшиеся на учительские должности лица, получившие учительское звание, выдержавшие специальные испытания, не обладали той подготовкой, которая давалась в учебных заведениях, выпускавших учительские кадры. Среди лиц, не имевших никакой образовательной и педагогической подготовки, но работавших учителями, некоторые умели лишь только читать и писать (например, преподаватель младшего класса Селенгинской двухклассной русско-монгольской школы Рабаев), не знавших даже арифметики [6, с. 179].

Следует отметить и такой факт, что учителя, не окончившие курс в семинарии, нередко упорным трудом достигали удовлетворительных результатов, в то время как проучившиеся в учительской семинарии учителя, имея изначально заметное преимущество в знании дела, не задерживались надолго в начальных школах. Каждый из них рассчитывал дослужить только обязательную 4-летнюю службу и затем искать другое, более выгодное место [9. Оп. 1. Д. 1. Л. 50]. Немногочисленные выпуски из восточносибирских учительских семинарий, уход в другую область деятельности отрицательно отразились на контингенте учителей. Так, например, за 2 года, с 1895 по 1897 г., количество преподавателей из числа окончивших курс учительских семинарий понизилось относительно всего количества учителей на 6,05% [7, с. 11].

Однако как бы тяжело ни складывался штат учителей начальных училищ, несмотря на все трудности, сопровождавшие учительскую деятельность, учителя в подавляющем большинстве относились к своим обязанностям добросовестно и по мере сил старались принести пользу ученикам, благотворно влиять на них в нравственном отношении [9. Оп. 1. Д. 1. Л. 43].

Как ни трудно обстояли дела с укомплектованием штатов приходских училищ министерства народного просвещения, в отношении церковно-приходских школ кадровое положение обстояло еще хуже. Так, в Забайкальской епархии бывали случаи, когда школы в период учебного года пустовали по полгода из-за отсутствия учителей. В Иркутской епархии в годы открытия церковноприходских училищ духовное ведомство нередко назначало на учительскую должность случайных людей, иногда совершенно не подготовленных для педагогической дея-

тельности. Это обуславливало текучесть кадров среди учителей, которые оставались на школьной работе в среднем не более одного-двух лет. Вот почему в губернии за два года, с 1889 по 1891 г., число учителей не увеличилось, а сократилось на 41 чел. В Енисейской епархии число учительских вакансий в 1890-е гг. также постоянно увеличивается: в 1892/93 учебном году — 24 вакансии, в 1893/94 — 27, в 1894/95 — 33, в 1895/96 — 40 и т. д. [5, с. 10].

По образованию все учителя и учительницы распределялись следующим образом: 47 чел. окончили курс среднего учебного заведения (33,5%); не окончили среднее учебное заведение 26 (18,6%); не обучавшихся в средних учебных заведениях, но имевших свидетельства на звание учителя, — 29 (20,7%); только окончивших начальное училище (без соответствующего свидетельства) — 17 (12,2%); не окончивших курс начального училища — 8 (5,7%); с домашним образованием — 13 (9,3%). Эти данные красноречиво показывают, что только 29 чел., т. е. 20,7% учителей, имели хоть какую-то педагогическую подготовку. Остальные учителя имели лишь тот или иной общеобразовательный курс средней или начальной школы и даже без такового (9,3%). Тем не менее все учителя и учительницы церковно-приходских училищ, за некоторым исключением, относились к своим обязанностям с надлежащим вниманием и усердием. Преподавание они вели по утвержденной программе и с достаточным успехом, что доказывалось значительным числом выдержавших экзамен на получение льготных свидетельств по воинской повинности [4, с. 17–19].

Материальное положение учителей, особенно в сельских местностях, в конце XIX в. продолжало оставаться не очень легким, а порой даже просто тяжелым.

Оплата труда учителей была далеко не одинаковой и зависела от стажа работы, уровня образования и количества преподаваемых уроков. Так, по данным 1892 г., учителя Минусинского уезда получали жалование от 150 до 435 руб. в год. Причем большинство учителей получали жалование в пределах 300 руб. в год. Так, например, учитель Никольской школы получал 150 руб. в год, или 12 руб. 50 коп. в месяц, а учитель Кантульской школы — 280 руб. в год, или 20 руб. 83 коп. в месяц [6, с. 235]. В отличие от светских учителей даже в 1880-е гг. законоучительский труд совсем не оплачивался, вследствие чего была масса вакантных мест по Закону Божьему [2, с. 520].

В конце 1880 — начале 1890-х гг. наблюдается некоторое повышение жалования учителям начальной школы, но оно связано не с повышением окладов как таковых, а с тем, что повысился образовательный уровень учителей, на них стали распространяться надбавки за службу в Сибири, выслугу лет. Наконец стали появляться меценаты, хотя и очень редко, которые давали деньги не только на улучшение учебно-материальной базы, но и на повышение окладов жалования учителям. Например, двум учителям в школе А. М. Кладищевой в городе Иркутске, которые получали по 720 руб. в год, или по 60 руб. в месяц, что превышало более чем в два раза средний заработок начального учителя, колебавшегося в пределах 300–360 руб. Еще два учителя этой школы получали по 600 руб. и две помощницы — по 360 руб. в год.

Многие законоучителя также начали получать, хотя и небольшое, жалование. Так, оклад иркутских законоучителей в 1889/90 уч. г. в среднем равнялся 200 руб. Законоучитель Глазковского училища — 250 руб. В целом обыкновен-

ный оклад в Иркутских городских начальных училищах был общим для всех школ — 500 руб., при готовой квартире с отоплением и освещением. Для сравнения скажем: в Петербурге учителя городских начальных школ получали 600 руб. при готовой квартире. В Москве старшая учительница получала 400 руб., а остальные по 300 руб. также при готовой квартире. В Красноярске же только 270–280 руб. в год [8. Оп. 1. Д. 11. Л. 12]. В Якутской области народный учитель в среднем получал жалование 300 руб. в год, или 25 руб. в месяц, с квартирой, отоплением, освещением, прислугой и несколькими десятинами земли, что вполне обеспечивало его скромную жизнь [1, с. 464].

В наиболее благоприятном положении относительно оплаты труда находились учителя городских училищ, которые имели оклады содержания 540 руб. в год, в добавление к этому еще 75 руб. квартирных, итого: 615 руб. в год. Учитель-инспектор (при казенной квартире) получал 540 руб. в год и еще 100 руб. добавочных за заведование училищем в составе трех классов или 150 руб. в составе четырех классов, итого 640–690 руб. Законоучитель в трехклассном городском училище имел оклад жалования 330 руб., в четырехклассном — 390 руб. в год [10. Оп. 1. Д. 32. Л. 1].

Если учителя городских училищ, получающие 615 руб. в год (с квартирными), ввиду сибирской дороговизны вполне основательно считали себя обиженными по сравнению со своими собратьями в Европейской России, то тем более вправе жаловаться на свою судьбу могли учителя уездных училищ, получавшие 28 руб. 58 коп. в месяц (343 руб. в год), тогда как, по самому скромному расчету при малой семье, требовалось на текущие расходы рублей 40–50 ежемесячно. Вознаграждаемые хуже, чем последний из штатных чиновников (журналист) в окружном полицейском управлении, учителя уездных училищ в большинстве случаев находились в неоплатных долгах у городских торговцев и ремесленников, отцов своих учеников, и, теряя из-за этого уважение общества, лишались значительной доли своего влияния на учащихся [7, с. 21–22].

О вознаграждении учительского труда в церковно-приходских школах можно судить по отчету епархиального наблюдателя за 1895/96 учебный год, который писал о том, что жалование учительских кадров явно недостаточное даже для наших невзыскательных учителей и учительниц [3, с. 355–356].

По окладам сельские учителя и учительницы могут быть распределены следующим образом: 6 лиц получали от 400 до 500 руб., двое имели по 360 руб., 22 чел. получали по 300 руб., 29 лиц от 200 до 280 руб. и еще 29 чел. получали от 60 до 120 руб. Таким образом, почти треть учащихся имели более чем скудное вознаграждение (т. е. от 60 до 120 руб.) [3, с. 355–356].

Учителя школ грамоты находились в наиболее тяжелых материальных условиях. Некоторые из них получали жалование путем сбора денег за учение по 50 коп. в месяц с ученика. Нередко оплата производилась в натуральном выражении: выдаче продуктов, полотна и т. д. Правда в 90-е гг. духовное ведомство все чаще и чаще пыталось упорядочить выдачу жалования учителям школ грамоты. Однако оплата их труда оставалась скудной. Так, в Енисейской епархии жалование, получаемое учителями школ грамоты, было в пределах от 30 до 120 руб. В Иркутской епархии жалование учителя школы грамоты составляло от 60 до 100 руб. в год [4, с. 35; 6, с. 190–191].

Таким образом, на основе вышеприведенных исторических фактов можно сделать следующие выводы.

Несмотря на необходимость в полном обеспечении начальных учебных заведений соответствующими педагогическими кадрами, данный вопрос в регионе решался слабо. В этом отношении Сибирь в сравнении с Европейской Россией находилась в очень невыгодных условиях.

Во всех типах начальных училищ ведомства министерства народного просвещения ощущался явный недостаток учителей с необходимым образовательным цензом. Правда, на рубеже XIX–XX вв. некоторые улучшения были налицо — народная школа всех типов стала больше наполняться выпускниками женских гимназий, учительских институтов и семинарий. Однако немногочисленность выпусков учителей из этих учебных заведений, уход в другую деятельность продолжал отрицательно отражаться на кадровом составе начальной школы Восточной Сибири.

Кадровое положение начальных школ духовного ведомства обстояло еще хуже. На учительские должности нередко назначали случайных людей, иногда совершенно неподготовленных для педагогической деятельности, что обусловило большую текучесть учительских кадров.

Как бы тяжело ни было учителям и учительницам начальных школ светских и духовного ведомств, несмотря на все трудности, учителя в подавляющем большинстве относились к своим обязанностям с надлежащим вниманием и усердием, давали достаточные знания, благотворно влияли на воспитанников в нравственном отношении.

Материальное положение народных учителей было недостаточным, порой даже тяжелым. На рубеже веков наблюдалось некоторое повышение жалования, но оно связано не с увеличением окладов как таковых, а с ростом образовательного уровня учителей, распространением надбавок за службу в Сибири и выслугу лет. В наиболее благоприятном положении по оплате труда находились учителя начальных школ повышенного типа, в наиболее тяжелых материальных условиях были учителя школ грамоты.

Литература

1. Гадзятский П., Преловский Н. Деятельность Министерства народного просвещения в далеком Якутском крае. Иркутск, 1893. 47 с.
2. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 505–534.
3. Отчет Иркутского Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии за 1895/96 учебный год // Иркутские епархиальные ведомости. 1897. № 20. С. 272–282; № 21. С. 296–302; № 22. С. 314–322; № 23. С. 328–337; № 24. С. 343–370.
4. Отчет о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии за 1894–1895 учебный год. Енисейск, 1898. 37 с.
5. Памятная книжка Иркутской губернии на 1895 год. Иркутск, 1895.
6. Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1959. 512 с.
7. Потребности начального образования в Сибири. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 годов. СПб., 1898. 143 с.

Архивные материалы

8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 63. Главный инспектор училищ Восточной Сибири. Оп. 1. Д. 3, 11.

9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 3. Дирекция народных училищ МНП Енисейской губернии. Оп. 1. Д. 1, 8.

10. ГАКК. Ф. 360. Красноярское городское четырехклассное училище. Оп. 1. Д. 32.

PERSONNEL COMPOSITION OF PRIMARY SCHOOL
OF EASTERN SIBERIA IN THE LAST THIRD OF THE 19th C.

Aleksandr I. Shilov

Dr. Sci. (Education), Prof.,
Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
89 Ada Lebedeva St., Krasnoyarsk 660049, Russia
E-mail: 9029921905@mail.ru

Polina S. Filippova

Teacher of the English language,
Secondary School No. 145
1a 78 Dobrovolcheskoy brigady St., Krasnoyarsk 660077, Russia
E-mail: sch145@mail.ru

The article analyzes the personnel composition of primary school in Eastern Siberia of the period, its noticeable lag in providing schools in comparison with European Russia. It was noted that at the end of the study period the situation with the personnel structure was gradually improving, but this process was still far from over.

It is revealed that, despite all the difficulties that pursued primary school teachers of both secular and especially spiritual departments, they in the overwhelming majority took their functional duties honestly, diligently, giving much effort and attention to their pupils, achieving success in their studies and upbringing.

The article describes rather thoroughly the material situation of the people's teachers, which differed greatly in different types of primary educational institutions. It is noted that the teachers of higher type elementary schools were in the most favorable position for salary, the grammar school teachers and were in the most difficult material conditions.

Keywords: personnel composition; primary school; city school; district school; parochial school; grammar school; Eastern Siberia; Ministry of People's Education; annual salary; educational qualification of teacher.